

Ольга Громова

САХАРНЫЙ РЕБЁНОК

7-е издание

КомпасИд
издательский дом

Ольга Константиновна Громова

Сахарный ребенок. История

девочки из прошлого

века, рассказанная

Стеллой Нудольской

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8910705

Сахарный ребёнок. История девочки из прошлого века, рассказанная

Стеллой Нудольской: КомпасГид; М.; 2014

ISBN 978-5-00083-392-6, 978-5-00083-025-3

Аннотация

Книга Ольги Громовой «Сахарный ребенок» записана ею со слов Стеллы Нудольской, чье детство пришлось на конец 30-х – начало 40-х годов в Советском союзе. Это очень личный и берущий за душу рассказ о том, как пятилетняя Эля, счастливо растущая в любящей семье, вдруг оказывается дочерью «врага народа» и попадает в страшный, непонятный ей мир: после ареста отца их вместе с матерью отправляют в лагерь в Киргизии как ЧСИР (членов семьи изменника Родины) и СОЭ (социально опасные элементы). Но несмотря на все испытания, голод и болезни, которые им приходится пережить, Эля и ее мама не падают духом: читают стихи, поют песни, шутят, по-настоящему

заботятся друг о друге. «Сахарный ребенок» – это во многом «роман воспитания», история о любви, а еще о том, что такое достоинство и что такое свобода. Точнее всего о свободе говорит мама Эли: «Рабство – это состояние души. Свободного человека сделать рабом нельзя».

«Сахарный ребенок» – подростковый роман Ольги Громовой, главного редактора профессионального журнала «Библиотека в школе» (ИД «Первое сентября»).

Книга вошла в лонг-лист премии «Книгуру» в 2013 и была отмечена дипломом премии им. В. П. Крапивина в 2014.

Содержание

Пролог	10
I. Игра	12
II. Война с Мышиным королём	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Ольга Константиновна
Громова
Сахарный ребёнок.
История девочки
из прошлого века,
рассказанная
Стеллой Нудольской**

© Громова О. К., 2014

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Стелле и Эрику.
Я выполнила своё обещание.*

Пролог

Не хотелось думать ни об уроках вообще, ни конкретно о немецком языке – так хороша была за окном подмосковная ранняя осень с ярким осенним солнышком, так манила в лес. Я вполуха слушала, как учительница объявляла результаты вчерашней контрольной. «Нудобльская – три...» Ослышалась я, что ли? Класс недоумённо загудел, но под строгим взглядом нашей новой «немки» быстро затих. С первых парт изумлённо оглядывались на меня одноклассники: вторая тройка по немецкому за неделю. Все знали, что по-немецки я говорю почти так же свободно, как по-русски, и школьный диктант ну никак не могла написать на тройку.

А я вдруг всё поняла. И недавняя тройка по русскому за сочинение (учительница сказала, что я стала допускать стилистические ошибки и не раскрыла тему), и сегодняшняя уже не показались такими удивительными. Обидными – да, несправедливыми – конечно... Но в эту минуту мне стало ясно, что теперь, в последнем классе, эти тройки станут появляться неизбежно, как бы я ни старалась. И тогда у меня в конце года выйдут четвёрки по русскому и немецкому. И не видать мне ни золотой медали, ни даже серебряной, несмотря на все мои «пятёрочные» табели прошлых лет.

Я совсем перестала слушать урок. Я думала. Понятно, что четвёрки по русскому не избежать – тогда мне точно не да-

дут медаль. Можно получить медаль, даже имея две четвёрки за последний год, но не в том случае, если одна из них по русскому. Это закон. А похоже, так и будет. Обидно и неясно, почему вторым предметом стал именно мой любимый немецкий. Не математика, не физика... Может быть, потому, что наша новая классная руководительница преподаёт немецкий и, похоже, не очень-то хорошо его знает... а значит, ей не нравятся те, кто знает лучше неё? Или просто она в нашем посёлке недавно, ещё не своя вроде бы, и потому именно ей поручено выполнить чью-то «установку»?

Моя мама тоже преподаёт немецкий. В той же школе. Но ей старшие классы не дают, только с пятого по седьмой. Мы и живём при школе – в маленькой служебной квартире. Маме, конечно, тоже будет обидно за мой немецкий, но я точно знаю, что ни она, ни я сама спорить не станем. И объяснять ничего никому не будем. А одноклассники... ну что ж, поудивляются и привыкнут. В десятом классе у всех своих забот хватает.

Потом, когда-нибудь... когда станет можно... я расскажу свою историю хотя бы самым близким друзьям. Но это будет нескоро. Если вообще будет. А пока я могу вспоминать только молча.

I. Игра

Сегодня за ужином мы попали в волшебную страну эльфов и гномов, где, как всем известно, в кисельных берегах текут молочные реки. В глубоких тарелках с крутым ярким ягодным киселём и налитым по краям молоком нужно «пропружать», прокладывая русла для молочных речек в кисельных берегах. Если не торопиться и действовать аккуратно, в тарелке получится карта страны с озёрами, реками, ручьями и океаном вокруг. Мы долго возимся, а потом сравниваем, у кого лучше получилось: у меня, у мамы или у папы. Папа

даже умудрился построить какую-то гору из киселя и уверяет, что именно из неё течёт вот эта молочная река. Пока мы рассматриваем картины в тарелках, гора расплзается и получается мутное море. Мы с мамой смеёмся, а няня ворчит: «Ну, собрались младенцы – баловство одно».

– Ладно, Мосявка, – говорит папа, – доедаем быстро кисель и спать.

– А сказка будет?

– Будет тебе сказка. Сегодня моя очередь.

– А можно ты прямо сейчас начнёшь, чтобы знать, про что... а потом я пойду чистить зубы и умываться?

– Давным-давно...

– Когда и солнце было ярче, и вода мокрее?

– Господи, а это ты откуда взяла?

– Это Полюшка ей так сказки рассказывает, – улыбаясь, говорит мама.

Полюшка – это моя няня. И она, кстати, никогда не зовёт меня Мосявкой. Считает, что это собачья кличка, и ворчит, когда меня так зовут. Но папа её ворчания не боится.

– Не отвлекайте меня. Так вот... давным-давно жила-была в Москве семья: папа, мама, няня и совсем маленькая девочка. Папу звали... папой. Маму... Папа называл её Юленька, мамины старшие сёстры – Люськой, брат – Пунечкой.

– А брат – это дядя Лапа?

– Ну, например он, хотя в жизни-то его никто так не зовёт, только одна маленькая девочка. А вот девочку очень долго

называли всякими разными словами, но никак не по имени... Потому что имени у неё не было.

– Это про меня сказка, да? А приключения будут?

– Будут-будут. Иди умывайся и ложись.

Мама обычно читает или рассказывает мне удивительные истории из жизни разных богов, героев, волшебников, да ещё на разных языках. А папа редко рассказывает «правильные» сказки, то есть народные или литературные, – чаще на ходу сочиняет. Я бегу умываться, предвкушая сказку про саму себя, потому что правдивую историю о том, как у меня не было имени и откуда оно взялось, я уже знаю.

По всем приметам родиться должен был мальчик, которого хотели назвать Генрихом. И вдруг раньше срока родилось нечто крошечное, весом без восьмушки пять фунтов¹ (так няня по старинке считала) и чуть больше сорока сантиметров в длину, и оказалось девочкой. Родители долго не могли решить, как же им назвать это неожиданное явление.

Пока не было кроватки, я спала в чемодане, стоявшем на большом стуле, а крышка его была привязана к спинке. Тогда меня называли Мосявка, Буба или как-нибудь ещё. И вот это создание должно было получить имя. Папе нравились одни имена, маме – другие, и спорили они без конца. Один из друзей семьи предложил:

– Назовите девочку Муссёр – это по-турецки «звезда».

---

¹ В переводе на метрическую систему мер и весов Стелла при рождении весила 1,95 кг. (Здесь и далее примеч. автора.)

Но мама решила мусором дочку не называть. Спорили бы ещё долго, если бы через два месяца родителям не принесли строгую повестку о штрафе и официальное напоминание о том, что в стране существуют загсы, куда им и следует явиться-ся зарегистрировать ребенка.

Пошли втроём: папа, мама и их друг Александр. Пока родители в коридоре у окна бурно спорили, как же будет называться это чудо, они передали ребёнка другу, чтоб подержал, покуда они что-то решат. Тот тихо зашёл в комнату (из которой полчаса назад выдворили родителей деспоривать в коридоре) и зарегистрировал ребёнка, благо и ребёнок, и документы были в руках у дяди Саши. С чувством выполненного долга он предложил родителям деспорить как-нибудь в другой раз, так как эту девочку зовут Стелла, что на латыни значит «Звезда».

Когда в доме появилась няня Поля, она придумала сокращение от имени Стелла – Эля. С тех пор близкие так меня и звали.

Лица папы я не помню. Зато помню карман его пальто. Если я запускала туда руку (почти до плеча), там всегда находилось что-нибудь вкусненькое. Помню большую тёплую руку, за которую я держалась, когда по выходным мы ходили гулять. И голос – очень низкий, бархатный. И вот папа рассказывает мне сказку. О том, как маленькая, но смелая девочка без имени спасает свою маму от злых разбойников и зарабатывает себе имя – Звёздочка.

И папа, и мама были очень музыкальны. Мама садилась вечерами за пианино, и они пели вдвоём. Было так славно. Очень я любила, когда они пели «Элегию» Массне. Конечно, я не знала, что такое элегия и кто такой Массне, и считала, что это одно такое длинное слово – «элегиямассне», – но и слово было красивое, и мелодия.

Родители оба работали, и работали много. Но когда они были дома, а я ещё не спала, казалось, что всё их время принадлежало мне. Ни разу я не слышала «отойди», «займись своими игрушками», «мне некогда», «поговорим потом». Сейчас мне кажется, что мы всё время играли.

Наряду с русским языком родители с самого раннего возраста говорили со мной по-немецки и по-французски. Поэтому я к трём годам одинаково понимала все три языка, а потом и говорила на них одинаково легко. И именно потому немецкие, французские и русские сказки и истории мне рассказывали на языке оригинала.

Мама очень хорошо рисовала и нередко во время рассказа набрасывала рисунок.

Мне часто приносили подарки: они всегда были завернуты в бумагу и завязаны верёвочкой, которую я должна была развязать сама.

Однажды папа принёс домой громадный свёрток. Поставил его на пол и серьёзно так сказал:

– Интересно, что там внутри? Развяжи его аккуратно и

посмотри.

Сначала я проверила папин карман – там было маленькое красное яблоко. Ну а потом обошла свёрток кругом. Длинный, выше меня, он стоял на полу и слегка покачивался. Надо было развязать все узлы и посмотреть...

– Ну, человечек, смелее!

Это были очень важные слова. Если мной бывали довольны, мне говорили «хороший человечек», а высшая похвала звучала как «хороший человек».

Понятие «хороший человек» включало многое.

Хороший человек всё делает сам.

Человек умеет и может сделать всё, сначала с чьей-то помощью, а потом – сам. Например, в три с половиной года человек одевается и умывается сам. А постарше – конечно же, и играет сам, потому что знает уже довольно много и из всех известных историй всегда может сочинить разные другие.

Хороший человек ничего не боится.

Страшно только тому, кто боится. Если ты ничего не боишься, то тебе и не страшно. И ты тогда смелый человек.

Хороший человек развязывает все узлы сам.

В жизни человека встречается много разных узлов, и он должен уметь развязывать эти узлы. Самое простое – разрезать, а нужно уметь развязать.

В детской на стенке были прибиты две верёвочки, на которых я училась развязывать и завязывать узлы – разные: и петельку, и бантик, и двойные. Папа научил меня вязать мор-

ской узел, потому что всё должно быть завязано крепко, но так, чтобы можно было легко развязать.

Ну что ж, узлы нужно развязывать, и я это умею делать сама.

Трудилась долго. И вот – бумага снята, на полу стоит КОНЬ! Серый в яблоках, хвост и грива светлые, седло и уздечка красные, и стремяна – настоящие!

...Вот теперь «лихо вдену ногу в стремя, я казак лихой!» Ура! Седло поскрипывает, и конь скачет! Ура!

Конь по имени Серый надолго стал моей любимой игрушкой. Меняя шляпу с пером на серебряный картонный шлем, я из прекрасного принца превращалась в отважного витязя. Я освобождала принцессу, зарубив трёхглавого дракона, и билась с татарами, как Евпатий Коловрат. Подозреваю, что моё дневное превращение в очередного героя определялось историей, накануне рассказанной на ночь.

Гулять я тоже очень любила. На улице было много интересного: на бульваре гуляли люди, бегали собаки, чирикали всякие птицы – здесь мы гуляли с мамой, папой или няней. А во дворе, куда меня лет с четырёх отпускали и одну, можно было поиграть в мячик, попрыгать через скакалку, построить в песочнице замок, а иногда и немного подраться. Последнее было довольно увлекательным занятием, особенно после того как я научилась не проигрывать.

Однажды я появилась дома, ревушая во весь голос, с разбитым и распухшим носом. Из носа медленно капала кровь.

Увидев очередную каплю, я взывала. Папа посадил меня к себе на колени, закинул мне голову и, положив на переносицу мокрый носовой платок, спросил:

– Больно и обидно?

Плача, я кивнула.

– А знаешь, в драке всегда проигрывает тот, кто первым заплачет. Если не плакать, обязательно победишь.

Я судорожно вздохнула и снова заплакала.

– Никак не можешь не плакать? – Кивок. – А давай попробуем потерпеть, может, получится? Наберём воздуха и будем терпеть вместе. Начали... Глубокий вдох, терпим, выдох – у-у-ух!

И боль прошла, и плакать расхотелось.

– Ну, всё хорошо, человек? Нужно, обязательно нужно уметь терпеть. Запомнишь?

Хороший человек умеет терпеть.

Оказалось, что терпеть не так уж сложно. Вместо того чтобы заплакать – набрать воздуха и подождать. Если не заревел сразу, то смешно реветь потом. И оказалось, что это очень помогает драться. Можно «драть» даже Борьку, которому уже целых шесть лет и который обзывается «маменькина дочка».

Игрушек у меня, конечно, было много. Во-первых, несколько наборов кубиков с азбукой. Были кубики, из которых собирались картины. А были и старинные, в которые

играла ещё моя мама, тематические наборы кубиков: коробка «Африка» – с изображениями пустыни, саванны, баобабов, крокодилов, носорогов, сфинксов, негров, зебр, жирафов, египетских пирамид, Нила; коробка «Америка» – индейцы, бизоны, пироги, вигвамы, негры в цепях на плантациях; коробка «Азия» – китайцы, японцы, индусы, пагоды, кобры, мангусты, слоны, обезьяны; коробка «Австралия» – кенгуру, собаки динго, муравьеды, аборигены. Картинки были яркими и очень выразительными. На стенах в доме висели две карты: политическая карта мира – в большой комнате и громадная карта двух полушарий – в детской. Вторая висела так низко, что мне было видно всё, что там нарисовано. Карту можно было снять и положить на пол.

Любимая наша игра – «Где кто живёт». Мы все ложились на пол вокруг карты мира и расставляли на ней, например по Африке, кубики с африканскими картинками. Попутно мне рассказывали разные истории об обычаях, о населении, о климате, о путешественниках, об истории этих стран.

На ходу придумывались новые игры: сделанные из бумаги кораблики приплывали к Берегу Слоновой Кости, захватывали негров, везли их через океан и продавали на невольничьем рынке в Америке, где Линкольн негров освобождал. Все игры заканчивались победой добра над злом.

В выходной, накрывая большой овальный стол к обеду, мы играли в Круглый стол короля Артура и его доблестных рыцарей. Ну и, конечно, доблестный Ланселот – я – не мог

за обедом капризничать, чавкать или плохо справляться с ножом и вилкой.

Много играли в стихи. Если со мной гуляла мама, то в её памяти всегда находилось какое-нибудь красивое стихотворение про то, что мы видели: птиц, собак, траву, деревья, грозу, дождь, весну, лето, осень, зиму – практически про всё. Стихи были красивые и легко запоминались. Позже мы играли – кто первый вспомнит стихи про то, что мы видим.

Иногда все вместе играли во времена года. Например, в «Осень», читая по очереди строчки из стихов про осень. Играли на равных: я помнила к тому времени много стихов, а родители никогда не читали те, которые были уже известны мне.

Вообще стихов мы читали много. Любимые стихотворные сказки перечитывались столько раз, что я успевала выучить их наизусть. Потом мы рассказывали эти стихи и сказки друг другу: мама мне – одну строчку, я ей – следующую.

Но самая лучшая игра начиналась, когда в Москву приезжал дядя Лапа! Мамин брат жил в то время в городе Горьком и изредка бывал в столице в командировках. Это был большой праздник.

Во-первых, дядя Лапа всегда привозил мне шоколадную бомбу. Так назывался шоколадный шар, полый внутри. Бомбы бывали разные: от маленьких, с ладошку, до больших, величиной с детский мячик. Сверху они были обёрнуты золотой или серебряной бумагой, а внутри всегда обнаружива-

лась какая-нибудь игрушка. Негритёнок Том – одна из моих самых любимых игрушек – появился как раз из большой шоколадной бомбы. Это была целлулоидная² куколка величиной с ладошку. У него поворачивались голова, руки и ноги.

Во-вторых, с дядиным приездом всё в доме становилось вверх ногами. Из стола и стульев строились крепости, фрегаты, караваны верблюдов и вообще всё, что было нужно. Мы открывали Америку, шли через пустыню за сокровищами, штурмовали Бастилию и на её обломках пели по-французски «Марсельезу».

Очень важной частью жизни были книги. Великое множество. На моих полках стояли тома «Жизни животных» Брема с великолепными картинками, альбомы с рисунками как существующих животных, так и доисторических, и много альбомов с репродукциями картин русских и европейских художников. Рассматривать картинки было очень интересно, хотя сама прочесть подписи я ещё не умела.

Домой выписывали детские журналы и покупали много книг. Каждую новую книжку читали все вместе вслух. После ужина садились за круглый стол, а читала всегда мама. Читала артистически!

Мне всегда было очень обидно, что днём я не могу прочесть ничего сама – нужно ждать, когда освободится няня.

---

² Целлулоидом в 1930-е годы называли то, что сейчас мы называем пластмассой или твёрдым пластиком.

Однажды, от великой досады, я взяла сказки Пушкина, которые уже знала наизусть, открыла сказку на странице, где была картинка «Три девицы под окном», поставила книгу на стол и начала выкладывать из кубиков буквы в том порядке, что в книге. Строчка заняла весь стол. Я не помню, что там получилось, зато помню, какой я устроила грандиозный рёв, когда няня велела перед обедом всё убрать. Как я научилась читать, не помню, но в августе 1935-го, когда мне исполнилось четыре года, я читала уверенно, хотя и не очень бегло.

Среди множества полученных в тот день рождения подарков была большая толстая книга в синем тиснёном колленкоровом переплёте, на котором серебром было выведено: «Волшебные сказки». Большинство сказок мне было знакомо по названиям – мама рассказывала. Но теперь я могла прочесть их сама! На следующий день няня надолго ушла из дому, а я принялась читать сказку «Рике-хохолок». Прочитала почти две страницы, когда мне встретилось странное слово «ее». Я никогда даже не слышала слова «ее» и не знала, что это значит. Если бы я прочла предложение до конца, я, вероятно, сообразила бы, что оно означает, но сработало «табу»: нельзя что-то пропускать и браться за другое дело, не доведя первое до конца. И я застряла. Сначала я думала и вспоминала, что же это такое, потом всё-таки поплакала. Рассердившись на книгу и на это слово, я поплюнула палец и стёрла его. Получилась дырка. Мрачная, я уселась под стол и стала ждать взрослых. Открытая книга с дыркой на странице

лежала рядом.

Первой вернулась няня. Рассказав ей об этом книжном безобразии, я услышала в ответ: «Если рядом стоят две буквы “е” и слово не получается, это значит, что одна из них “ё”. Попробуй». Ну и, конечно, всё получилось! Утешившись и даже забыв, что дырка на странице – это безобразие (а мама потом так и сказала: «Безобразие! Книжка же не виновата, что ты чего-то не знаешь. Люди делали, а ты испортила»), я уселась дочитывать сказку. Хотя должна признаться, что волшебные сказки из этой книги были менее интересны, чем мамины. И уж, конечно, мамина фея из «Золушки» была лучшей волшебницей, чем книжная. Мамина фея делала карету, лошадей, кучера и слуг из ничего, только взмахом палочки, а книжная – из тыквы, мышей и крысы, что, конечно, проще.

Очень я гордилась тем, что теперь могу прочитать сама всё, что хочется. Больше всего мне нравилось читать подписи под репродукциями картин в альбомах, хотя половину слов там я не понимала. И ещё я любила читать крохотные книжки-малютки со стихами и короткими историями.

Когда я стала постарше, у меня появилась ещё одна любимая игра, в которую я играла без родителей днём. Цель – переделать реальную или сказочную историю, спасти героя, чтобы конец был счастливым. На помощь призывались все известные мне исторические и сказочные персонажи, о ко-

торых раньше рассказывали мне родители. Я придумывала, как всё это сделать, а вечером, выслушав меня, папа давал советы, указывая на слабые места плана.

Например: нужно спасти Жанну д'Арк от казни.

Папа помогает понять обстановку: вот на карте Франция, вот город Руан, наступать лучше со всех четырёх сторон. Французов на помощь лучше не звать: они все верят, что Жанна – колдунья.

Днём я всё придумываю, вечером – «военный совет». По моему плану наступают со своими армиями с юга Спартак, с запада – король Артур и его доблестные рыцари, с севера – Александр Невский, с востока – Дмитрий Донской с тремя богатырями и своей дружиной.

Папа: «Толково. Учти только, что три богатыря живут в Киеве, а у Донского будет длинный путь, а ещё впереди у него будут горы. И нужно рассчитать, как узнать заранее день казни и как сообщить всем участникам».

К следующему вечеру появляется план: когда Жанне в подвале инквизиции будут выносить приговор, его услышат мыши и расскажут вестникам: в Англию полетит ворон, в Новгород – сокол, в Рим стрелу с сообщением пошлёт Амур, а до Москвы сообщение, как по телеграфу, передадут друг другу сороки. А путь через горы будет успешным, если позвать Суворова. Доказательством служил альбом, развёрнутый на картине «Переход Суворова через Альпы». А если все участники похода возьмут с собой санки, то с такой вы-

сокой горы, раскатившись, можно доехать до самого Руана, причём очень быстро. Трудно только с переброской дружины Невского: ковров-самолётов мало и на всех не хватает.

Тогда советует мама: «Нужно позвать Пегасов. Их-то уж точно хватит, ведь у каждого поэта свой Пегас, а сколько поэтов во всём мире!»

Так мы спасли Жанну, а потом она сражалась на Чудском озере и участвовала в Куликовской битве.

А когда Синдбад-Мореход доплыл до скалы, к которой был прикован Прометей, то граф Нобиле посадил в свой дирижабль Робина Гуда и пронёсся по воздуху прямо к Прометею. Робин Гуд из своего лука убил орла, они отвязали Прометея от скалы и все вместе на дирижабле полетели открывать Северный полюс.

И вот уже опять вечер. Няня укладывает меня в постель, рядом садится мама. И начинается очередное волшебство: мама рассказывает вечернюю сказку и в заключение тихонько поёт «Ходит дрема возле дома, ходит сон близ окон». Я засыпаю.

Завтра будет утро и опять будет счастье.

II. Война с Мышиным королём

Проснувшись однажды утром, я увидела маму и няню, зашивающих животы моим плюшевым игрушкам – тигру и медведю. Мама сказала, что ночью была война между игрушками и Мышиным королём, тигрёнок и мишка пострадали, вот они их и лечат. Война, видимо, была очень жестокая, потому что в большой комнате все книги и вещи вперемешку валялись на полу.

– А где папа? – спросила я.

– Срочно уехал в Горький, – ответила мама. Видно, ей было очень горько, и этот город первым пришёл ей на ум. В эту ночь, с 13 на 14 февраля 1936 года, арестовали и увезли папу. Мне шёл тогда пятый год.

Самого ареста и обыска я не помню: я крепко спала, не проснулась, даже когда меня вынули из кровати, чтобы обыскать и её. Как потом рассказывала мама, я открыла глаза, увидев военных, продекламировала: «Есть у нас красный флаг, он на палке белой; понесёт его в руках тот, кто самый смелый» (стихи из последнего «Мурзилки») – и тут же заснула.

Жизнь продолжалась. Вроде бы всё было по-прежнему, но мама перешла на какую-то другую работу (из Наркомата сельского хозяйства её уволили на следующий же день после ареста мужа), и, видимо, денег в доме стало гораздо меньше. Пропали конфеты, фрукты, и вообще «вкусненькое» появлялось крайне редко. Соседи из другой, коммунальной квартиры делали вид, что нас не замечают. Однажды сосед N предложил маме обменять нашу большую квартиру на его маленькую комнату, но мама отказалась. Вскоре по заявлению N пришла комиссия, чтобы «изъять» у нашей семьи «излишки площади». Мама была на работе, дома – только мы с няней.

Чтобы чем-то меня занять, няня дала мне два маленьких яблока и выставила на лестницу. Там было пусто. И скучно.

Есть яблоки не стоило: я знала, что одно мне няня даст после обеда сегодня, а второе – завтра. Видимо, яблоки мне дали, чтобы отвлечь от взрослого разговора в квартире. Не очень-то я и хотела их слушать! Дверь отворилась, и на площадку вышел человек. Сделав несколько шагов, он посмотрел на меня:

– А ты что тут делаешь?

– Стою. И держу два яблока.

– Может быть, угостишь меня, а то мне тоже скучно тут стоять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.